

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Сборник произведений
победителей и призёров
Регионального писательского конкурса**

(г. Москва, 28 ноября 2020 г.)

Москва
2020

МГОУ

Ресурсный центр
русского языка

Содержание

Предисловие	3
Поэзия	4
<i>1-4 классы</i>	5
Веселов Иван	5
Двуреченская Маргарита	6
Крохин Артемий	7
Махова Сладислава	8
Филимонов Андрей	9
Фирсова Алина	10
<i>5-8 классы</i>	11
Волокитина Варвара	11
Кол Даниил	12
Кураев Захар	13
Любимова Елизавета	14
Нарицина Вера	15
Усенкова Анфиса	16
<i>9-11 классы</i>	17
Атаманова Валерия	17
Беляев Евгений	18
Полякова Мария	19
Шаповалова Маргарита	20
Шлепотина Ксения	21
<i>Студенты бакалавриата и СПО</i>	22
Баскаков Василий	22
Завернин Никита	23
Картанина Татьяна	24
Мозговой Александр	25
Рыжаченков Иван	28
Проза	29
<i>1-4 классы</i>	30
Миронова Елизавета	30
Москалёва Дарья	31
Сайфутдинова Анна	32
<i>5-8 классы</i>	33
Вибе Алёна	34
Зайцева Дарья	35
Кузьминов Иван	36
Спиридонова Анастасия	37
Степаненко Лада	38
<i>9-11 классы</i>	42
Афанасьева Ксения	42
Кашина Алёна	43
Кондратьева Лилия	45
Леонтьева Анна	46
Лобачёв Егор	48
Сафонова Мария	50
<i>Студенты бакалавриата и СПО</i>	51
Гладеева Анна	51
Рыжаченков Иван	53

Предисловие

Осенью 2020 года Ресурсный центр русского языка проводил Региональный детский писательский конкурс. Онлайн-формат финального этапа позволил участникам отработать навыки выступления на публике и выступления на камеру. По итогам мероприятия была организована демонстрационная площадка «Лучшие поэты и прозаики Подмосковья». Авторские этюды победителей демонстрационной площадки представлены в этом сборнике наравне с работами, оцененными жюри конкурса.

В этом году поэтические и прозаические опыты школьников Подмосковья радуют жанровым разнообразием: сказки, басни, письма, легенды, притчи и др.

Как в поэзии, так и в прозе ребята обращаются к вечным мировоззренческим темам. Любовь к Родине раскрывается через переосмысление драматических страниц отечественной истории. Природные метаморфозы и комедия повседневности – через пристальное наблюдение за действительностью. Человеческие взаимоотношения – на материале анализа своей внутренней жизни.

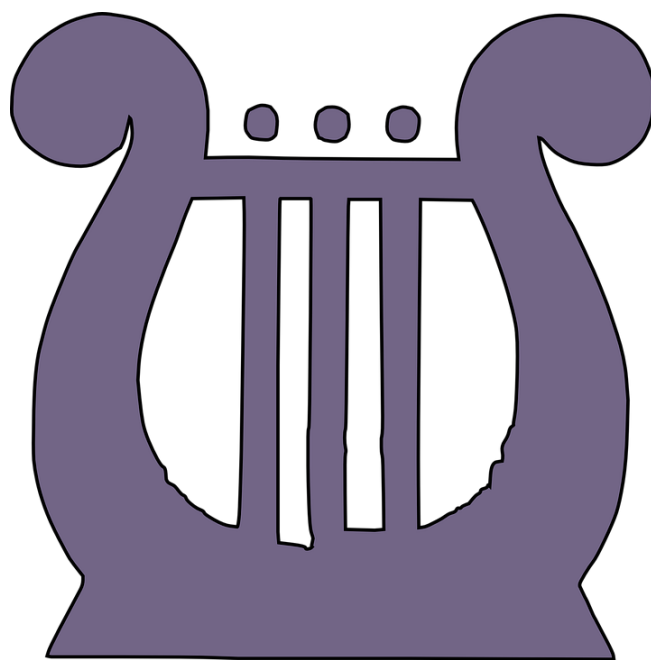
Во многих текстах чувствуются взрослые искания, желание во всём дойти до самой сути и представить результаты своих раздумий в художественно обработанной форме.

Безупречное и искреннее прочтение собственных произведений, терпеливое противостояние техническим сбоям несовершенной онлайн-платформы, внимание к товарищам по перу и клавиатуре создали незабываемую творческую атмосферу.

От всей души я желаю участникам дальнейшего самосовершенствования в писательской деятельности, веры в себя и в своё большое будущее в мире литературы!

*Ширмина Анна Олеговна,
член жюри очного этапа Регионального детского писательского конкурса,
финалист Всероссийского фестиваля молодой поэзии им. Л.А. Филатова, финалист
Чемпионата поэзии им. В.В. Маяковского,
участница поэтической мастерской современного перформанса «Снег»*

Поэзия

1-4 классы

Веселов Иван, г.о. Шатура

В болоте, в торфяных полях,
В далёком крае Подмосковья,
Мне жизнь даёт не только мать,
Но и посёлок, посланный судьбою.

Однажды мама рассказала мне,
Как прадед мой погиб на злой войне.
А знаете ли вы, за что стоял горою?
За родину, друзья, не зная лютой боли!

Тогда я понял, что такое быть героем!
Когда не страшно жизнь свою отдать,

Чтобы страну родную отстоять,
Когда ты, сохраняя честь мундира,

В бою собой закроешь командира,
Когда в руке со связкою гранат
Бросаешься в бою под вражий танк.

Навстречу смерти и свинцу,

Героям трусость не к лицу,
Бежать в атаку вновь и вновь...

Вот в этом Родине любовь!

Своих героев не забудет,

Она всегда их помнить будет,

Она не бросит, не предаст,
Ни в трудный день, ни в трудный час.

Как мать, она всегда с тобой

И заповедана судьбой!

Я здесь живу, мне часто снится
Родной посёлок Радовицкий.

Двуреченская Маргарита, г.о. Ступино

Принцесса

Дед забрал меня из сада.
Я ему ужасно рада,
Ем конфеты с мармеладом.
В общем, всё у нас как надо!

На площадке возле дома,
Где полно детей знакомых,
После сада всю неделю
Я качаюсь на качелях.

Подлетая выше в небо,
Думаю, вот кем бы мне бы
Стать, когда наступит время
Повзрослеть? Хочу быть всеми!

Быть врачом и слушать спинки,
Выдавать всем витаминки,
Ярко-жёлтые крупинки
Вкусом – сладкие с кислинкой.

Воспитателем быть в группе –
Пить компоты вместо супа.
Быть актрисой в сериале,
Билетёром в кинозале.

Продавщицей шоколадок,
Дрессировщицей лошадок,
В супермаркете кассиром,
На параде командиром.

Но из множества профессий,
Выбор сделан на принцессе
В платье длинном и блестящем,
Неприменно шлейф шуршащий.

Обязательно в короне,
Обязательно на троне.
Я издам такой указ,
Чтобы в садике у нас
Отменили, запретили
Ненавистный тихий час!!!

Крохин Артемий, г.о. Протвино

Друг

Я встретил однажды бездомного пса:
– Привет, лохматый! Как жизнь? Как сам?
Оскалясь немного, ответил бродяга:
– Голодный уж сутки. Совсем доходяга...
– А разве не можешь купить ты еду?
– Могу лишь украсть и накликаю беду.
– А где же твой дом? И мама твоя?
– Живу я на улице – вот участь моя.
А помню, как раньше: и дом, и хозяин,
И вкусный обед, и «Давай поиграем!».
И слезы блеснули в лохматых глазах...
Мне стало так больно, и я твёрдо сказал:
– Всё! Решено! Я твой новый хозяин!
Пошли на обед, а потом поиграем.
Сомненье в глазах отразилось на миг,
И хвост, еле-еле виляя, поник.
– Давай не грусти и пошли поскорей!
Вот так и находим мы верных друзей!

Махова Сладислава, Талдомский г.о.

Мечта

Посвящается брату

Мальчишкой был он тихим...
Любил собак и с кошками дружил.
На велике катался лихо,
Не плакал, если падал и если нос разбил.
Родные звали его «зайкой»,
«Тихонею» – мальчишки со двора.
Ни с кем он не делился тайной,
Которая в душе его жила.
Подрос мальчишка, стал сильней и выше,
И спортом занимался по утрам.
И часто забирался он на крышу,
Чтоб не бояться находиться там.
Окончил школу, в армию призвали,
Но не забыл он про свою мечту.
Когда в горячей точке на полях взрывали,
Он на себе нёс раненого старшину.
Вернувшись, поступил учиться,
И стал спасателем, как и всегда мечтал.
И надо было этому случиться:
Он каждый день кого-нибудь спасал.
Профессию все сами выбирают,
Но героическую – не всегда.
Парнишку этого я понимаю,
Ведь с детства у него была своя мечта.

Филимонов Андрей, г.о. Балашиха

Россия

Страна, где я родился,
Где все мои друзья,
Тобою мы гордимся!
Ты – Родина моя!

Великая Россия!
Огромная страна!
Сильна ты и красива,
И всей Земле видна!

Досталась нам в наследство
Как самый лучший клад!
Тебя мы любим с детства,
Тебе я очень рад!

Хоть разные здесь люди,
Но всем привольно жить!
Всегда тебя мы будем
От недругов хранить!

Я вырасту – увижу
Немало разных стран,
Доеду до Парижа,
Увижу океан,

Другие страны тоже
Красивы, что сказать,
Но Родина дороже,
Она – родная мать!

Ведь с ней одной мы крови,
Мы все – одна семья!
И говорим с любовью:
«Россия, ты – моя!»

Фирсова Алина, г.о. Дубна

Осень-фея

Осень приходит, как фея,
В чудном плаще из листвы.
Глаза у неё, как озёра
Из чистой, хрустальной воды.

Венок у неё, словно пламя
Из грустной осенней листвы.
Опала она только с клёна,
С высоких небес синевы...

А я расскажу той фее,
Что с клёна упал паричок,
А это был клён
Влюблённый...

А рядом сидел барсучок
И рыл себе на зиму норку.
В засохшей траве паучок
Вил паутинку тихонько...
Так скоро пушок упадёт,
Природа зимы уже ждёт.

И фея-осень уйдёт,
И клён влюблённый уснёт.
Так до весны
Все без листвы,
Спать будем мы...

5-8 классы

Волокитина Варвара, Талдомский г.о.

Нет родной земли милей!

Утро. Солнце.
Лист кружится
В синем небе золотой...
Журавлиный край родимый,
Очарован я тобой!
Здесь живёт болотный дух,
Воздух чист и светел.
Мох в лесу похож на пух,
Бодрый свежий ветер.
Как красив осенний лес!
Буйство красок ярких!
Море солнца! Но уже
Дней не будет жарких...
Ветер кружит хоровод
Разноцветных листьев,
А рябина так красна,
Что горят все кисти!
В жёлтом платье березняк,
В лужах солнца блики!
Зеленеет лишь сосняк –
Вечно одноликий!
Листья скоро упадут,
Станет лес,
Иней краски украдёт,
Будет ель заметней...
Осень, не снимай наряд
Пышный, золотистый!
Нам ещё надоедят
Деревца без листьев...
Улетают журавли-
Кончилось раздолье.
Слышится: «Курлы-курлы!»
И взлетают с поля...
И поют: «Курлы-курлы!»
Нет милей родной земли!»
Улетают, чтоб весной
Вновь вернуться к нам домой.
Мой любимый край земной,
Очарован я тобой!
Вторя крику журавлей:
«Нет родной земли милей!»

Кол Даниил, г.о. Балашиха

Детям Беслана посвящается

Ни в чём не виноваты были дети...
Кто им придумал страшную судьбу?
Кто за теракт в Беслане нам ответит?
Кто с безоружными ведёт борьбу?

Ведь не добились же, чего хотели,
За что безвинных мучили детей?
Как будто обезумевшие звери
Вселились в обезумевших людей.

А как ещё понять, что это было?
Разумный разве может человек
Загнать детей и, упиваясь силой,
В них не один пустить боекомплект?

Давно цивилизована планета,
Мы пользуемся недрами Земли,
Летают в космос мощные ракеты,
По бурным волнам ходят корабли.

Мы приручили грозы и туманы,
И научились управлять огнём.
И как же это горестно и странно,
Что до сих пор мы боремся со злом.

Что до сих пор искоренить не можем
Угрозу мирной жизни – терроризм,
Его необходимо уничтожить
И навсегда стереть с лица Земли!

Чтобы без страха жили в мире дети,
Светило солнце, и шумел прибой.
И все мы здесь за эту жизнь в ответе
Пред Богом, пред Отчизной, пред собой!

Кураев Захар, г.о. Шатура

Сон

Мне приснился сон необычный:
У меня были лук и стрелы,
Добрый конь, щит и меч богатырский.
Я скакал на коне умело!

Я из лука стрелял очень метко,
Я рукой держал меч очень твёрдо!
Я у князя десятник был верный,
Мы ходили с дружиной в походы.

Один бой у нас был нелёгкий:
Мы сражались под городом храбро,
Мы отбили от стен печенегов!
Но подкрался к нам враг коварный –

И стрела мне в грудь угодила...

Я проснулся!

– Мама! Что это было?

– Не волнуйся! Растёшь ты быстро.

Это был лишь сон богатырский.

Любимова Елизавета, г.о. Дмитровский

История в саванне

(басня)

Однажды лев в саванне
Таким голодным был,
Что бегемоту бедному
Он ухо откусил.
И слон трубит: «Беда, беда,
Скорее кто-нибудь сюда».
Вот звери прибежали
И льва судить все стали.
Кричит гиена: «Как посмел!?
Он чуть его не съел!
Пора бы в клетку льва
Отправить навсегда!»
Но страус говорит:
«Нет, нет...
Такой я дам сейчас совет.
Пусть бегемот впредь рот не разевает,
А быстро ото льва ногами убегает»
«Нет, лев виновен», – крокодил сказал, –
«Пускай уходит он от нас,
А я тогда уж так и быть
Царём зверей стану средь вас».
И вот стоит гул, гам и крик.
Казнить, помиловать, судить!
Кричат вокруг....
А бегемотик в одиночку
Стоит тихонько в уголочке.
Как больно бедному ему,
А помогать то некому.
Все звери заняты судом
Над всё ещё голодным львом

↔

Вот так порой и мы все – люди –
Ведём себя как судьи
Скорей готовы осуждать,
Чем просто взять и помогать.

Нарицина Вера, г.о. Королёв

Не догоняя лето

Стою на обочине, голосую
На самом краю Света.
Нарушая скоростной режим,
Мимо меня проносится лето.
Сейчас остановится кто-то,
И я попрошу наше лето догнать.
Лето надо предупредить:
Его могут оштрафовать!
Тысяча километров –
Не дальше трех месяцев.
За окном ветер, а айфон
От звонков уже бесится.
Я не могу ответить!
Некогда говорить!
Даже с попутным ветром
Лето ещё догони!
Жёлтые листья штрафов
Августа почта приносит.
Первого сентября
Лето врезалось в осень.

Усенкова Анфиса, г.о. Озёры

В прекрасном Зазеркалье

Грустила юная Мари.
Ей было очень одиноко,
И лишь тоска жила внутри.
В пыли тускнело зазеркалье
Её красивых тёмных глаз,
Печаль невидимой вуалью
Покрыла сердце, свет погас....
И поздней ночью, в полнолуние,
Она бесстрашно в лес пошла
К ужасной ведьме и колдунье,
Чтоб та проклятие сняла!
Обряд таинственный и тёмный
Решила ведьма провести,
Чтоб сердце вновь огнём наполнить
И все печали отвести:
– Сейчас мы спустимся в пещеру,
в ней озеро разбитых грёз,
ты обретёшь былую веру,
испив три чаши горьких слёз.
Затем ты снимешь свое платье
и окунёшься с головой,
ты смоешь чёрное заклятье,
и станет вновь душа живой!
Но сила эта лишь на время,
должна ты ровно через год,
вернуться в тёмную пещеру
и стать волною горьких вод!
Мари покорно и спокойно
Колдуньи сделала наказ,
И светом призрачным, волшебным
Она наполнилась тотчас!
В неблизкий путь, в чужие земли,
Её помчал ретивый конь,
Там ждёт её любимый верный,
И в сердце вновь горит огонь!
Недолгим было счастье вместе,
И пролетело триста дней,
Вернулась грустная невеста
И просит ведьму: «Пожалей!»
Но нет от зелья отворота,
И только в лунном свете звёзд,
В пещере, в озере глубоком,
Волна блестит из горьких слёз...

9-11 классы

Атаманова Валерия, Богородский г.о.

Республика Сан-Марино

На горе, залитой солнцем,
Очень зелено и дивно.
Здесь находится столица
Государство Сан-Марино.
Сувенирами здесь будут
Шоколад, парфюм и вина.
Пусть туристы не забудут
Всех торговцев в Сан-Марино.
Здесь все улицы спирально
Поднимаются к вершине,
Наслаждаться можно долго,
Что видно из Сан-Марино.
Да, отсюда вид чудесный
На крутые Апеннины;
Птицы распевают песни
О свободе Сан-Марино.
Камнем и стеной отвесной
Город окружён старинный.
Как же всё-таки чудесно
В государстве Сан-Марино!

Беляев Евгений, г.о. Жуковский

Ты жил, как живут на посту фонари,
Встречая рассвет закатом.
Ты пел обо всём, что хотелось сберечь.
Ты был призывным солдатом.
Когда в этот мир пробралась темнота,
Светился как лёд и пламя.
Бежал без оглядки на силы врага
И нёс в своём теле знамя.
Но кончились битвы. Горечь потерь!..
Враг торжествует гордо.
Ах, если б ты знал, как остынешь теперь,
Как спать тебе будет твёрдо.
И нет никого, кто подставит плечо.
И руку тебе не тянут.
Неужто ты верил не так горячо?
Неужто собой ты обманут?
Ведь дело не в том, что какой-то ты ноль.
Не в том, что ты отдал мало...
Воюя со злобой, великой тьмой, –
Всё
начинай
сначала.

Полякова Мария, г.о. Чехов

Школьный конкурс

Объявлен в школе конкурс среди классов –
В поэзии иль прозе проявить талант.
А я в душе, да и на деле, – музыкант,
И не совсем готова нести слово в массы.
Но не даёт покоя конкурсный азарт.
Рискну! Быть может «слог и рифма» во мне дремлют?
И если моим мыслям они внемлют,
Возможно, в будущем родится новый бард.
Но нет, о музыке и песнях мы не будем...
Здесь и сейчас я говорю о рвении писать.
О том, как мне в стихах свои желанья излагать,
Стремления души... А после отдавать их людям.
Я постараюсь, и однажды в ясный день,
Когда струится свет сквозь тюль на лист бумаги,
А солнца луч, искрясь, мне предаёт отваги,
Я сброшу страха пелену и тень.
И расскажу о том, что вижу я вокруг:
О красоте, дарованной нам бескорыстно,
Волшебных звуках, необъятных, чистых,
О сотнях тысяч добрых лиц и рук.
О доме, о любви, природе и вселенной,
О сокровенных мыслях и надуманных мирах.
Я напишу... И непременно в прозе иль стихах,
«Звонок?!» – Как быстро пролетела перемена...

Шаповалова Маргарита, г.о. Протвино

Рыбы

Когда всего этого не было,
Рыбы видели сны о том
Что у них отвалились жабры
И выросли ноги.
Об этом не знали жабы
И самые мудрые боги,
Не знали об этом и мы,
Ведь и нас ещё не было.
И просыпались рыбы,
И оживали их сны,
Заворожённые чем-то,
Что напомним им блеск блесны.
Они выползали на берег
И оставляли следы –
Соли смесь и воды –
В линиях на песке.
Совсем скоро у рыб отвалятся плавники,
Скоро рыбы узнают о человеческой тоске.
Они будут ходить в церкви и кабаки,
Они будут читать Канта и Монтескье.
Совсем скоро у рыб сгладится чешуя,
Позже начнёт втягиваться хвост,
Отполируются их косяки и края,
На головах вырастут клочья волос.
Рыбы начнут верить в не рыбьих богов,
Заключат мир и начинать войну.
Рыбы будут стрелять из дробовиков.
А лучше б остались в море ловить волну!
Заснёт человек, и странный увидит сон,
и вспомнит: вода прибывала, плотна, холодна.
На берег выползла рыба,
С его лицом...
И медленно жизнь начала подниматься со дна...

Шлепотина Ксения, г.о. Ивантеевка

Скажем наркотикам твёрдое – нет!

(Подражание В. В. Маяковскому)

Нет актуальнее вопроса, – скажу вам заранее,
чем профилактика наркомании!
Меняются власти и конституции,
В науке, культуре прошли революции, а наркомания следом шагает, давит,
гнетёт и свой облик меняет!
Всюду найдёт уголок темноты:
ранит сердца, затмевает умы!
Этот вопрос, вам скажу без сомнения, –
залог жизни нации и населения.
Со времён Авиценны мы помним, что есть у болезни источник и корни.
Она всех косит без чинов и различий,
ни соблюдая ни прав, ни приличий!
Судьбы людские вершит наркомания:
борьба с ней – вопрос жизни, а не разовые кампании!
Сегодня, на арену политическую, выходит наркотик синтетический.
Губит, уродует – умственно и физически!
Профилактика этого заболевания, в первую очередь, от сознания,
чтоб наркоман осознать это смог: сам перестал и другу помог!
Ни к чему тут слова возмущения, вспомним мы о всеобщем прощении,
О ЛЮБВИ, что сердца нам тревожит, и в беде,
и в унынье поможет.
Наркомания, без сомнения, – это болезнь, но другого происхождения.
Наркоманами не рождаются, а становятся
и много причин этих в обществе кроется.
В борьбе с этим злом много вредителей – торговцев, баронов,
распространителей, кто делает деньги и плещется в море,
кому наплевать на народное горе!
Но, если дорог тебе этот край –
ТЫ проблему с себя не снимай!
Улыбнись, оглянись, посмотри:
руку помощи – протяни!

Студенты бакалавриата и СПО

Баскаков Василий, Талдомский г.о.

Сигнальные огни последнего вагона...

Я растворюсь

В вечерней тишине.

От сквозняков холодного перрона

Ничто меня не скроет на земле.

Вся жизнь разделится –

На «до» и «после».

Настало время

Разрушать мосты.

Тревожный поезд

На застывшем перекрёстке

Нетерпеливо смотрит на часы.

Завернин Никита, Талдомский г.о.

Однажды я, забыв про все запреты,
Вдруг стану взрослым. Серым и глухим.
Так, не найдя подсказки и ответы,
Умру как крот. Неведомым, слепым.
Забыв заклятья и рецепты зелий,
И все пути, ведущие на свет,
Я утону в сугробе. И метели
Колючим вихрем заберут мой след.
И обо мне не вспомнят в Неверленде,
И Питер Пэн, увы, не прилетит.
Зови. Кричи. Никто мне не ответит,
Ведь у Вселенной как всегда отит.
И ключ потерян на дорогах детства,
И шкаф мне больше нечем открывать,
Закрыт навеки этот город «бегство»,
В который я любил так убегать.
И лишь однажды под скупой луною,
Под властью ночи потечёт слеза,
Окину небо яростной тоскою,
В ответ посмотрят лишь твои глаза...

Картанина Татьяна, МГОУ

Листьев красных сумрак остывает
Над уже сиреновой землёй.
Золотистый дождик унывает,
Проливает слёзы над судьбой.
Для тоски всего одна причина:
Больше солнца не увидит свет.
И не знает, что его кручина
Скроет лета запоздалый след.
Он не помнит, что весна вернётся.
Он не верит, что печаль пройдёт.
Лёд уходит, камень остаётся.
Но не стоит забегать вперёд.
Пусть пылает-догорает солнце,
Облетает хрупкая листва
И под грузом влаги мнётся-рвётся,
Становясь заметною едва.
Пусть текут ручьи чернее ночи,
Давит сверху серый свод небес
И свежеет воздух. Знаю точно:
Это тоже чудо из чудес.

Мозговой Александр, МГОУ

У памятника. Осип Мандельштам

Ваш памятник – он не такой,
какой имеет Блок.
Он ограничен только головой
и занимает только уголок.
В поэзии есть две тропы,
но Ваша – в стороне,
как строчка,
что отдельно от строфы,
как ударение извне.
Французским звуком сладостных речей
Вы закаляли слух.
И слог эпохи зазвучал сильнее
для тех, кто глуп,
кто туп,
кто глух.
Мы с удовольствием простили Вас,
но не за что прощать.
И кашу, что Ирина попросила как-то раз,
вы можете не отдавать!
Она давно уж не судья,
не нам судить о ней.
Но если бы в столовой в тот момент
был я,
мой голос раньше б прозвучал,
что Вам – нужней!
Я верю,
вы достойны всех наград,
И, к сведенью,
не я один.
С любовью скажет Петроград
«Иосиф¹ Мандельштам –
мой гражданин»!
Пуускай метало по стране,
но вы – листок,
что даже на советской стороне
ростки дать смог.
Границы три преодолев,
замкнули круг.
Вернулся польский лев
в родной свой Петербург.
Поддерживала Вас всегда
жена, и до конца,
неважно где, какие города,
вы были,

¹ При рождении мальчику было дано именно это имя.

словно половинки две кольца.
И безвозмездно подарив,
открыли ей,
что не дано
узнать тому, кто не любил.
Но лишь история оценку даст,
определив,
то благо,
или же клеймо.
Был постоянный, тяжкий труд.
И лился ваших мыслей свет.
Узнали вы,
где будет в преисподне Брут,
в оригинале изучив
известный всем терцет.
Потом был Пастернак –
он точно друг.
Неразрешённый стих,
Всё повторял:
«Не вздумайте, не смейте, нет».
Но вы читали вслух.
Трусливый стук.
Донос отправлен в нужный комитет.
Все ждали смерть, но вышло всё не так.
Решили Вас стереть,
предать забвенью,
окунуть во мрак.
И вместо дома – нары и барак,
перетекающий
в болезни
голод,
ров,
общаг².
Да!
Пусть кричат, что – Жид!
Но ведь велик тот жид, что жив!
не телом,
а душой парит,
эпоху мыслями опередив.
Да!
Элитарны вы!
и ваша интонация тиха,
но даже сквозь века,
не потеряйте красоты,
и не опуститесь
до уровня кабацкого стиха.
Нам не дано узнать,
кого отметит судьбоносный перст:

² здесь – общая могила

кто-то герой, а кто-то свят.
Но Ваш же чётко понимаю крест
и скорбно говорю,
что поминальные костры
в сердцах горят.
Я вижу свет за головой,
пусть нет волос.
Да, безусловно,
не святой.
Но Вы для нас – Христос,
который был за нас распят,
и только к свету рос.
И светлым был
от головы до пят.
И обещаю лично я
все строки сохранить,
пока не приняла меня земля,
пока могу я жить!
Долой
скрипучий
гнёт оков.
Для «них»
Вы – как по венам ртуть.
Луч света,
разорвав все звенья кандалов,
найдёт наружу
нужный путь.
Запомни, будущий пиит –
Не будь подобием врага,
ведь только тот,
кто память чтит,
услышит Мандельштамовское – Га!

Рыжаченков Иван, МГОУ

Пальмира

Дрожали границы мира,
Рушились древние стены.
И в вихре бурлящей пены
Скрылась в пучине Пальмира.

В душе поднималась буря!
Кинжалом вонзались мысли,
Как тучи над мною нависли,
Сковали ремнями как сбруя.

И в этой разверзшейся бездне,
Коей нет ни конца, ни края –
Сердце жаждет любви-рая!
Той любви, что уже не исчезнет:

Нетленной, высокой, вечной.
Где ты, чувство подобное Богу,
Что во тьме мне укажет дорогу
И трепет утешит сердечный?

Всю жизнь одинокий и нищий
Я искал той любви, а не хлеба,
Но на зов моего потреба
Обретал только бrenную пищу.

Так, блуждая по голому берегу,
Мне почудился отзвук напева –
Эту песнь вела милая дева,
Навевая пьянящую негу.

О, прелестница синего моря,
Пробудила ты спящую лиру!
Вновь я вижу златую Пальмиру
В отраженье ночного прибоя.

Проза

1-4 классы

Миронова Елизавета, г.о. Лобня

Волшебство Рыжика

Жили-были звери в одной сказочной стране за тридевять земель, в тридевятom царстве, в тридесятом государстве.

Лес в этой стране был удивительно красив: с изумрудными деревьями, кристально-чистыми озерами, а живущие в нём звери были необычайно счастливы. От пения птиц расцветали цветы на полянах, волки могли лечить других зверей, совы за одну ночь могли облететь весь лес. А в горах за лесом жил самый диковинный зверь этой страны – белый тигр. Он был самым мудрым из всех зверей, и все считали его волшебником.

Жил в этом лесу и лисёнок Рыжик, который не умел творить чудеса и поэтому очень грустил. В один прекрасный день он решил отправиться к белому тигру и попросить у него немного волшебства для себя. Путь предстоял неблизкий, но Рыжика это не пугало.

И вот шел он, шел по лесам, по полям, по долам и вдруг слышит, что под кустом зайчонок плачет.

– Что с тобой малыш? – спросил Рыжик.

– Я потерял маму, – ответил зайчонок.

– Не бойся, я не оставлю тебя в беде, пойдём со мной, – сказал Рыжик.

Пошли они вместе дальше. Дошли до озера и увидели, что в воде оленёнок тонет. Лисёнок подбежал, наклонил ветку и спас оленёнка.

– Спасибо большое, – сказал оленёнок.

– Как ты оказался здесь? – спросил Рыжик.

– Я заблудился, я потерял маму, – заплакав, проворкотал оленёнок.

Тогда Рыжик пригласил пойти и его к Белому тигру.

Пошли они вместе дальше. Отыскали дом тигра и постучали в дверь. Тигр величественно вышел к гостям и спросил:

– Что вам нужно?

Лисёнок сказал:

– Я хочу о чём-то попросить тебя, великий Белый тигр.

– Хорошо, – перебил его волшебник. – Но я исполню только одно желание, проси что хочешь.

Лисёнок немного подумал и попросил:

– Я хочу, чтобы все дети отыскали своих родителей.

– Я исполню твоё желание, – не раздумывая, ответил тигр. – Все найдут своих матерей. А то зачем ты ко мне шёл, у тебя уже и так есть.

– Ведь доброта и отзывчивость и есть твоё главное волшебство, просто ты это не понимал! – сказал тигр и исчез.

С тех пор Рыжик творит чудеса и помогает всем нуждающимся. Ребята, верьте в чудеса и они обязательно произойдут.

Москалёва Дарья, г.о. Балашиха

Поправимая ошибка

Лида и Матвей шли домой из школы по лесной дорожке и жевали булочки. Мучные изделия были румяными, свежими и такими вкусными, что ребята не могли ни на минуту оторваться.

Лида, докушав, положила обёртку в карман рюкзака, а Матвей, даже не задумавшись, кинул полиэтиленовую упаковку от сдобы в кусты. Девочка всплеснула руками и возмущённо надвинулась на друга: «Ты что, с ума сошел?! Кидаешь мусор направо и налево! Человек и так уже полмира загрязнил! Если так каждый будет поступать, не планета станет, а сплошная свалка!» Матвей в ответ фыркнул. А Лида продолжала: «А знаешь ли ты, что этот твой дурацкий фантик более ста лет там лежать будет?! Сколько всякой гадости он выделит за это время в почву, как плохо будет от этого растениям? Если тебя в мусоре поселить, понравится?» Мальчишка надулся и обиженно подумал: «Умная какая! Что я такого сделал? Всего-то обёртку выкинул, а она завелась сразу...» Но спорить не стал. Очень уж рассерженной выглядела подруга. И ребята, даже не попрощавшись, разошлись по домам.

Дома, расхаживая по комнате, Матвей продолжал прокручивать в голове Лидины слова и подумал: «Наверное, все сочинила». Чтобы утереть Лиде нос, он решил поискать информацию в интернете. До поздней ночи Матвей копался в статьях на разных экологических сайтах, ужасаясь тем цифрам, которые приводили ученые. Оказалось чистой правдой, что обычные полиэтиленовые пакеты и упаковки не разлагаются в природе более сотни лет, а пластиковые бутылки – свыше пятисот. Каждый житель нашей страны производит в год до полтонны мусора. Это же чудовищно! Российские свалки занимают около четырёх миллионов гектаров земли, что равно площади целой Швейцарии или Нидерландов.

Когда потрясённый мальчик наконец улёгся спать, ему приснился сон. Чудесный тёплый осенний денёк. Он идёт по любимому лесу. Под ногами шуршат жёлто-оранжевые листья, пахнет грибами. Лёгкий ветерок раскачивает макушки деревьев. Внезапно небо начинает темнеть, надвигаются иссиня-чёрные тучи, ветер становится колючим и порывистым, бросает в лицо горсти мокрых листьев. Деревья раскачиваются и как будто тянут к нему свои ветви. Матвей удивлённо оглядывается по сторонам. И вдруг лес начинает оживать: деревья вынимают из земли свои гигантские корни и шагают ими к мальчику. На ходу они размахивают ветвями и грозно рычат. А молодые деревца и кустики плачут, как младенцы. Они укоряют Матвея за брошенный мусор, грозят не выпустить его из леса. Всё плотнее сжимается кольцо надвигающихся древесных монстров, всё ближе ветви, пытающиеся схватить негодного мальчишку. Матвея сковывает леденящий ужас, ноги как будто прирастают к земле. Он хочет закричать, позвать на помощь, но голос не слышится. Собрав всю свою волю, мальчик делает отчаянный рывок вперёд... и просыпается.

Осознал Матвей, какую ужасную ошибку он совершил. Ужасную, но поправимую! Мальчик решил, что в ближайшие выходные устроит с друзьями субботник в любимом лесу. А потом обязательно расскажет об этом Лиде.

Сайфутдинова Анна , г.о. Мытищи

Музыкальный лес
(сказка)

В одном сказочном лесу жили звери, которые любили петь и играть на музыкальных инструментах. Белка играла на бубне, заяц на балалайке, медведь на барабанах, соловей на дудочке. Когда лесные звери собирались вместе, они брали волшебные ноты и играли на своих музыкальных инструментах. Также в сказочном лесу жила лиса, которая очень не любила музыку. От громких звуков у неё болели уши.

Однажды лиса решила украсть ноты, чтобы лесные звери больше не могли играть на своих музыкальных инструментах. Когда лесные звери пошли купаться на речку, лиса украла волшебные ноты и спрятала их в тёмной чаще леса, куда звери боялись ходить.

Обнаружив пропажу, лесные звери очень расстроились, так как они не смогут больше играть на своих любимых музыкальных инструментах без волшебных нот. Но бабочки рассказали лесным зверям, что ноты украла лиса.

Лесные звери отправились в сказочный лес на поиски воришки лисы, но никак не могли её найти. По пути они встретили сову, которая им сказала, что знает, где лиса спрятала волшебные ноты. Но она им расскажет только тогда, когда лесные звери разгадают её загадку, ответ на которую могут знать, только те, кто любит музыку.

И сова загадала лесным зверям загадку: «Семь ребят на лесенке, заиграли песенки»

«Это ноты» – радостно закричали звери в один голос.

«До, ре, ми, фа, соль, ля, си» – наперебой выкрикивали звери.

«Это правильный ответ» – сказала сова.

Сова рассказала лесным зверям, что ноты лиса спрятала в тёмной чаще леса, куда звери боялись ходить. Но дружные музыканты, набравшись смелости, взяли друг друга за лапы и пошли в тёмную чащу леса, где нашли волшебные ноты.

Лесные звери не держали зла на лису. Они попросили лесного доктора – дятла – вылечить ей уши. Когда дятел вылечил лисе уши, она полюбила музыку и стала вместе с лесными зверями играть на музыкальных инструментах.

5-8 классы

Вибе Алёна, г.о. Жуковский

Валет

Димка сидел на подоконнике в парадном и даже не плакал. Да, Валет утащил кусок хлеба со стола. Но мальчику почему-то казалось, что пёс даже и не понял, как это произошло: просто был кусок – и его нет. В Ленинграде тогда все не понимали. Хорошо, не все. Многие.

А Валет... Валет был другом. Димка частенько украдкой под столом угощал его лакомыми кусочками. Вот и шерсть на Валете лоснилась и блестела. Даже чёрное пятно на левом боку. А потом закружились самолеты. Начались бомбежки. Лакомых кусочков не осталось.

Вчера вечером он утащил со стола полкуса хлеба. Димка потом бился в истерике, потому что точно понял, что сегодня... Мама говорила, что сейчас совсем не до собаки, что сейчас самим бы выжить, и поэтому самое разумное – решить эту проблему махом. Заодно и мясо будет... Он не мясо, он друг!

– Дима, иди домой, – крикнула мама с четвёртого этажа.

Он молчал. Мама спустилась на два лестничных пролёта.

– Дима... Прости, сынок. Дело не в куске хлеба. Просто так не выживет никто. Пойдём домой.

А за окном буйно цвела сирень. Димку вдруг качнуло – то ли от голода, то ли от запахов. Мама сказала утром, что Валет всё понял, что он очень любил Димку, и поэтому такой ценой пытался ему помочь выжить. Такой ценой? Какой ценой? Какая тут вообще может быть цена?!

Конец июня. Спешные сборы. Мама получила два места на поезд до ладожского озера. А там переправа – и Большая земля. Мама не хочет оставлять детей здесь. Только билета всего два, и Варька постоянно плачет. Нет, она уже не орёт, как год назад. Теперь слёзы катятся почти беззвучно. Но от этого становится только хуже. Димка собирается молча. Молча тащит чемоданы, потому что мама тащит Варьку. Вокзал. Проверка билетов. Вагон.

– Мама, езжайте с Варькой. Я тут останусь. Я не пропаду.

Наверное, мама просто не успела сообразить, что произошло. Её тут же затолкали в вагон, и проводница закрыла двери. А из вагона она увидела своего мальчика на перроне. Он засунул руки в карманы. И не двигался. Она запихнула Варьку в какое-то купе, побежала по вагону, крича, чтобы состав остановили и высадили её. Но её, конечно, никто не слушал.

Димка вернулся в свою квартиру на четвёртом этаже. Тогда он ещё не знал, что впереди полтора года борьбы за самого себя и за всех тех, кто остался в городе. Завод, маленькая табуретка под ноги, чтобы доставать до станка, бесконечный рабочий день – и двести пятьдесят граммов хлеба. И даже без дороги домой. Потому что сил идти не было. Нет, не ценой жизни. Во имя жизни. Обязательно станет чуть легче. Потом, когда все в городе будут понимать, что может произойти завтра. Когда все сердца станут биться в такт метронома и когда забрезжит надежда. Но он ни разу не пожалел о своём решении. Он остался в городе. И город остался с ним.

Они встретятся опять через два года. С огромным букетом цветов повзрослевший Димка будет стоять на вокзале и встречать поезд. Девочка с кремовом платьице увидит его первой и побежит к нему, радостная, а потом остановится. Она дождётся маму, они вместе пороятся в корзинке и вытащат лопоухого щенка и таким же чёрным пятном на левом боку. Маленькие ручки протянут его Димке, и он впервые расплачется.

Приезжаю к бабушке в деревню. Навстречу мне сразу же выскакивает пес с черным пятном на боку. Он машет хвостом, скачет от радости и пытается лизнуть меня в нос. На крыльцо выходит бабушка, баба Варя.

– Дай ей пройти! Вот ведь неугомонный! – кричит она псу. – Кому я говорю, Валет!

Зайцева Дарья, г.о. Зарайск

Восклицательный знак

*Но только день за днём я замечаю всё же,
Что знак восклицательный мне других дороже.*

В этот яркий сентябрьский день Арина с особо радостным настроением возвращалась домой – четыре «пятёрки» за один день!

– Какая красивая осень! Какие яркие листья! – восклицала она.

Девочка бежала вприпрыжку, широко размахивала портфелем. Тетради и учебники потряхивало: буквы, цифры, математические знаки, знаки препинания «подпрыгивали» и «плясали» вместе с ней.

По дороге к дому находилась детская площадка. И вот портфель уже со всего размаха летит на скамейку!

– Ура! Э-ге-гей!!! – восторженно кричит Арина, скатываясь с горки. Она ещё даже не подозревает того, что с ней произошла некоторая неприятность... Дело в том, что от сильного удара о лавочку из портфеля выпал вроде бы совсем не приметный, никем не замеченный персонаж – Восклицательный Знак.

Накатавшись и порезвившись, Арина взяла портфель и побежала домой – побыстрее хотелось поделиться своей радостью с бабушкой. Прямо с порога она должна была прокричать:

– Бабушка! Встречай свою внучку-отличницу!

Но почему-то вместо этого она вдруг неожиданно для себя произнесла совершенно спокойно, без эмоций:

– У меня сегодня четыре «пятёрки». Я пойду делать домашнее задание.

Сказала и как-то понуро ушла в свою комнату. Весь вечер семья удивлялась на свою девочку-колокольчик, так называли её дома. Ведь раньше она обязательно делилась своими эмоциями, радовалась, восхищалась чем-то, кричала. В общем, её голосок звенел по дому действительно как колокольчик. Арина раньше даже не замечала того, как она тесно дружит с Восклицательным Знаком. Ведь он передавал эмоциональность её рассказов, благодаря ему она выражала изумление, восторг, он служил для передачи её детских чувств и волнений.

...А в это время на ту самую скамейку в парке тяжело и как-то обречённо присел незнакомый поэт. И вдруг его словно что-то встряхнуло! Его грустное настроение неожиданно переменилось, чувства и эмоции переполняли его:

«Я люблю тебя, милая осень!

Ты пришла, и я снова живу!», –

воодушевленно шептал поэт. Он буквально вскочил с места и почти вприпрыжку, как влюблённый юноша, заторопился домой к своему письменному столу. Теперь он шёл бодро, нарочно загребая ногами опавшую листву, чтобы снова услышать её завораживающий шелест-шёпот. Поэт что-то бубнил себе под нос, тербил включенные волосы. У многих прохожих его вид вызывал улыбку и недоумение. Но ему было всё равно – его посетило вдохновение!

...А в кармане его пальто пригрелся никем не примеченный, но, оказывается, такой важный для людей Восклицательный Знак.

Кузьминов Иван, Щёлково г.о.

Друзья по несчастью

Я лежал на кровати недалеко от окна, уткнувшись в угол комнаты. Странно, но почему-то запах пыли и плесени был единственным родным ощущением в этом месте. Наверное, это звучит глупо, но это так. А все пауки, плетущие здесь паутины, были названы именами друзей с моей улицы, где я жил до того, как попасть в детский дом. Я так и не смог привыкнуть к этому месту. Сначала нас с сестрой привезли сюда вместе, а потом её перевели в другое учреждение. С тех пор никакой информации о ней не было, что ужасно меня тяготило. Я надеялся, я верил, что обязательно найду её после окончания войны. Близких друзей здесь у меня не было, да я и не особенно хотел с кем-либо сближаться. Я считал всех виноватыми, что я оказался здесь, что судьба родителей неизвестна... хотя, по сути, мы все здесь «друзья по несчастью»: сироты, полусироты, несчастные и одинокие. Да, был у меня не то, чтобы друг, скорее, подопечный... Вовка. Добрый, в чём-то наивный, но очень честный пацан. Именно за это я его и ценил. Из-за своей доверчивости он частенько и «страдал». Местные мальчишки любили поиздеваться над ним ради развлечения. А некоторые даже тумачков надавать. Я был старше его на два года, поэтому решил взять над ним шефство. Вступившись за него несколько раз, я отбил желание и интерес к его персоне у особо задиристых. Вечерами он подсаживался ко мне на кровать и неловко пытался завести разговор. Я не гнал его, но и беседу не поддерживал. Старался быстрее уткнуться в угол и предаться воспоминаниям.

Громкие крики воспитателей разбудили меня. Серое дождливое утро, холодная каша, размазанная по тарелке, занятия в холодном классе – ничего нового и интересного. После обеда погода, как говорится, разгулялась. И я решил побродить недалеко от детского дома, дойти до края леса. Правда, после дождя ещё было туманно, сыро. Так, с палкой в руках, присвистывая, я зашёл достаточно далеко и понял, что потерялся. Оглядываясь и выискивая знакомую тропинку, поскользнулся и... Очнулся я в какой-то яме, по уши в грязи, вперемешку с глиной. В голове пронеслось: «Что произошло? Как я здесь оказался?» Когда я попытался подняться, то понял, что мои ботинки увязли в жиже, покрывавшей дно ямы. Глубина моей «ловушки» была выше моего роста раза в полтора. Карбканья вверх не увенчались успехом. Я, как слизняк, медленно скатывался вниз, захватывая с собой очередную порцию грязи. На крики о помощи я не сильно надеялся, но понимал, что сейчас это единственное, что я могу для себя сделать. После безуспешных попыток выбраться и докричаться, меня стало одолевать отчаянье. И вдруг услышал: «Колька! Вот ты где, я так долго тебя искал! Ты как туда попал?» Я поднял голову вверх: это был Вовка. Мой Вовка! Оказывается, он увязался за мной, но вскоре потерял меня из виду...

На краю ямы росла молодая березка, и мы решили, что Вовка попытается пригнуть её ко мне вниз, создав «спасательный мостик». Разбив ладони в кровь, Вовка наконец-то «победил» дерево. Пригнув его, лег на изгиб ствола всем телом. Операция по спасению началась. Я пополз по стволу дерева, цепляясь за гибкие боковые ветки, обрывая листву и рассекая ладони тонкими прутьями. Вовка, лежа на стволе, протянул мне руку. Я ухватился... и тут в один рывок Вовка вышвырнул меня на траву рядом с корнями дерева. Я упал лицом вниз, оказавшись близко к ногам спасителя. Вовка захрипел: «Тащи меня за ноги, я не могу пошевелиться! Иначе упаду вниз!» Откуда у меня взялись силы, я и сам не знаю. Быстро поднялся, схватил друга и тут же рухнул на спину, держа в руках оба его ботинка. Мы оба от души рассмеялись...

Уже темнело. Мы шли, пробираясь через лесные заросли, но уже по знакомой нам тропинке. Я посмотрел на этого мальчишку, невысокого росточка, худого, и понял, что этот день судьбоносный – у меня теперь есть близкий человек, верный друг. Я был счастлив.

Спиридонова Анастасия, Наро-Фоминский г.о.

Яблочек хочется

Вот уже третий день Маша гостила в доме своего дяди, Василия Ивановича, но ещё ни разу не смогла встретиться со своим двоюродным братом. Все обитатели этого красивого, просторного, гостеприимного особняка старались перевести разговор на другую тему, когда Маша спрашивала: «А Коля-то где? Я его не видела уже больше года!» Как же она мечтала, что они опять вместе будут проводить время, работать в саду, играть с друзьями в построенном дядей шалаше, бегать на реку, веселиться! Ребята были очень дружны.

Маша не могла больше ждать и пошла в наступление.

Что вы от меня скрываете? – решительно обратилась она к маме Коли.

Елизавета Петровна опустила голову, и слёзы полились у неё из глаз.

– Коля заболел. Врачи сказали, что они сделали всё возможное. Но мой сын с каждым днём чувствует себя хуже и хуже. Он просто тает у меня на глазах, а я ничего не могу сделать. Его комната на втором этаже. Мы к нему никого не пускаем.

– Да что же вы раньше мне ничего не сказали! – закричала Маша.

– Тише, тише, не беспокой его, – взволнованно зашептала Елизавета Петровна.

– Я должна видеть Колю! – уверенно произнесла девочка. – Где его комната?

Не дожидаясь ответа, Маша помчалась по дому, распахивая дверь за дверью. Наконец, на втором этаже, в самом дальнем углу, она увидела дверь со стеклом, завешенным белой тканью. Девочка с силой рванула ручку так, что стекло зазвенело. Дверь распахнулась. Маша почувствовала запах лекарств. В комнате были задёрнуты шторы. Ей стало очень тревожно.

– Коля, ты здесь? – спросила она срывающимся голосом.

– Да. Кто это? – еле слышно ответил мальчик.

Маша немного отдышалась и смело шагнула в комнату.

– Ну, привет! Я приехала! А ты чего это разлёгся? Почему меня не встречаешь? – бодро, из последних сил сдерживая слезы, сказала Маша.

– Маша! – Коля привстал в постели, облокотившись на слабую руку. – Как я рад тебя видеть! А мне никто не сказал, что ты приедешь. Как я рад! А я вот всё лежу, лежу. Мама долго не может со мной разговаривать, плачет; папа всё чаще стал на работе задерживаться. Они что-то от меня скрывают?

– Конечно, скрывают. – Маша помолчала. – Ты знаешь, что у вас в саду в этом году зацвела яблоня, которую мы с тобой посадили три года назад? Они всё смеялись над нами, великими садоводами называли. А она не цвела и не цвела. А в этом году... представляешь?

Ребята весело расхохотались. На бледных щеках Коли проступил румянец.

– Маш, а помнишь, мы мечтали, что, когда вырастем, придумаем такое лекарство, которое будет спасать от любых болезней, – серьёзно сказал Коля.

– Да, помню.

– Жалко, что мы не успели. Ты знаешь, я болею, и, кажется, то, чем меня пытаются вылечить, не помогает. Родители боятся со мной говорить на эту тему. Но я всё понимаю...

– Не смей так говорить! Ты просто не имеешь права не выздороветь! Ты знаешь, как любят тебя родители? Ты вспомни, сколько у тебя друзей! Сколько ещё планов! А наши мечты? Я одна не смогу их воплотить в жизнь!

Так убедительно, так серьёзно Маша ещё ни с кем не говорила. А главное – она верила в это. Коля посмотрел в её сияющие от слёз глаза и вдруг почувствовал, что впервые за долгие месяцы у него появились силы встать.

– Маша, помоги мне подняться, – сказал он спокойно.

Опираясь на руку своей сестры, Коля подошёл к окну, отодвинул плотные шторы, открыл форточку и, вдохнув полной грудью свежий воздух, сказал:

– Яблочек хочется...

Степаненко Лада, г.о. Власиха

Лунный свет

«Мама, мамочка!» – тонкий детский голосок в абсолютной тишине дрогнул. Среди холодных серых стен раздался детский плач. Маленькие пальчики разгребали выжженную землю, стараясь раскопать блестящую вещичку. На ладони мальчишки лежал серебряный медальон, а внутри него – фотография молодой женщины и младенца...

«Вася, Васенька, мальчик мой!» – надрывный крик женщины прервал глубокий сон ребенка. Она откинула одеяло и надела свитер на сонного мальчика. По худым щекам женщины текли слезы. «Мама, что случилось?» – Вася ещё не понимал, что происходит. «Всё будет хорошо, хорошо всё будет, мальчик мой!» – мать рыдала, продолжая одевать сына. Непослушные мелкие пуговицы лёгкого пальтишка выскальзывали из сухих пальцев, часы на стене показывали два часа ночи, огарок свечи отбрасывал длинную тень на чёрно-белые клавиши фортепиано. «Мамочка, я хочу спать!» – Васенька попытался снять шерстяные носки с маленьких ножек, но мать резко одёрнула его руку. Женщина подхватила мальчишку, накрыла ватным одеялом и побежала вон из квартиры. Её всхлипы срывались на хрип, Вася заплакал и попытался вырваться из материнских объятий. Девушка остановилась и заглянула в его темные глаза. Взгляд её был страшен, она будто обезумела. Её дыхание остановилось на несколько мгновений, рыдания прекратились. Мальчик прильнул к ней и хотел что-то сказать, но она ринулась вниз по лестнице. С этажей выше тоже бежали люди. У кого в руках были торбы, у кого – домашние животные. Дети плакали, женщины тащили их вниз, старики крестились и передавали по цепочке какие-то авоськи. Тёмная лестница в обычном пятиэтажном доме, казалось, стала самым оживлённым местом планеты. На лице каждого отпечатались страх и безысходность, будто все они знали, что случится что-то ужасное, что-то, что нельзя исправить.

Маленький Вася не понимал, что всё это значит. Он хотел домой, хотел спать. На лестнице вдруг стало тихо. Воздух разорвал оглушительный звук сирены, Вася почувствовал, как заложило уши. Мать прижала сына к себе ещё сильнее – её горячие слёзы закапали на его щеки. «Мамочка, не плачь! У тебя что-то болит? Мама, тебя кто-то обидел?» Маленькие детские пальцы прикоснулись к женскому лицу. Вася не понимал, почему все плачут и почему плачет мама. Он плакал, потому что было слишком громко и ему хотелось домой. Он не любил, когда мама плакала. Васе нравилось, когда она улыбается. В такие моменты её темные брови взлетали, в уголках глаз собиралась маленькая сеточка морщинок, а кончик носа чуть приподнимался. Тонкие губы заметно краснели, и вся она будто светилась. Она была так красива и молода!..

Женщина с ребёнком на руках вбежала в убежище, к ней тут же подошла тётя Зина со второго этажа и накрыла своей шалью, уводя к старому матрасу, лежавшему в углу. Почти все жители дома собрались там, в холодном и сыром подвале. На полу были разбросаны одеяла, куртки, у стен стояли сумки с хлебом и водой, кое-где валялись детские игрушки. Все приумолкли, старики шептали молитвы, матери успокаивали детей, иногда эхом отдавался чей-то тоненький плач, серая кошка тётки Зины жалобно мяукала. Раздался звонкий детский смех, но в ту же секунду точно ножом по сердцу прозвучал протяжный свист, а за ним грянул оглушительный взрыв. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли пятна, голову будто изнутри разрывало, артерии пульсировали, каждый вдох отдавался хрипом где-то в горле. Вася поднял испуганные глаза на мать, но тут же зажмурился. Один за одним сыпались эти взрывы, от которых хотелось

кричать. Мать Васи вытащила откуда-то толстую тетрадку, химический карандаш и стала что-то записывать. Было слышно, как сверху падает мебель и рушатся стены. Жуткий вой сирены вперемешку с плачем и стенаниями, грохотом рушащихся зданий давил на уши, пульсируя где-то в висках. Вася лег на пол, пряча лицо в ладони.

Двадцать минут тянулись мучительной бесконечностью. Каждое мгновение умножало страх, каждый взрыв, казалось, мог стать последним, каждый вдох рвал лёгкие. Мальчику хотелось плакать, но слёз не было. Мать посадила Васю на колени и крепко обняла. Её дыхание было мелким и совсем незаметным, но сердце билось очень быстро. Ребёнок чувствовал каждый удар и разглядывал материнскую шею. Уши заложило, но он слышал, что мать напевает знакомую мелодию, ту самую, что любила наигрывать на фортепиано вечерами. Её голос был тихим, но чистым, будто хрустальным. Среди ужасных звуков вокруг материнская песня был как мягкий лунный свет, успокаивающий и нежный. Мальчик провел пальцем по вздувшейся венке на загорелой шее родительницы и вздохнул. На улице стало тихо. Было слышно, как улетают бомбардировщики. В подвале тоже молчали. Кто-то пытался настроить приёмник. Васина мать снова достала тетрадку и что-то записала. Мальчик сидел на её коленях, положив голову на грудь, и ему было так спокойно и так хорошо, будто и не было этих страшных сорока минут. Он закрыл свои большие глаза и улыбнулся. Его сознание помутнело, и он чувствовал, как проваливается в сон. Звук выстрела вывел его из этого состояния сладостного блаженства. Женщины закричали, и среди их красивых, но искажённых страхом голосов слышались грубые мужские, говорившие на чужом языке. Вася испугался и сильнее прижался к матери. Она обхватила его рукой и попыталась отползти подальше в угол. Громкие страшные голоса не замолкали, всюду слышался плач. Мальчишка боялся открыть глаза. Он почувствовал сильный удар в спину и упал на бетонный пол, услышал жуткий крик матери, а потом увидел, как какой-то мужчина в военной форме толкает её ногой. В подвале оставалось всё меньше людей, их всех выводили оттуда солдаты. Один из них схватил Васю за воротник и швырнул к ступенькам.

На улице было тихо. Первые робкие лучи солнца пробивали городские тучи, и серое небо наливалось светом. На мощёной дороге лежали обломки кирпичей, брошенные вещи, осколки стёкол. Испуганные птицы проносились тенью над пустеющим городом. Вася сидел в тамбуре у двери, боясь высунуться. Мужчины в форме выталкивали женщин, стариков и детей на улицу. Раздалось несколько выстрелов, мальчик съёжился и старался отыскать глазами в толпе мать. Военные построили всех стариков в шеренгу, спиной к воронке от снаряда. Дед в синей рубашке и с седой бородой затянул низким голосом какую-то народную песню. Раздались выстрелы – песня прекратилась... Вася видел, как тела падают в ров. Он понял, он всё понял! Эти люди в форме – убийцы! Мальчику хотелось кричать, но он закусил кулак. Смотрел широко раскрытыми глазами, как детей, таких же мальчишек и девчонок, как он, толкают к воронке. Его дыхание сбилось, губы пересохли. Одно за другим падали бездыханные тела ребят. А убийцы смеялись... Когда ко рву повели женщин, Вася зажмурил глаза. Нет, они не могут убить его маму! Они не могут! Он увидел в толпе её длинные чёрные волосы. Женщин пинали, толпа смешалась. Раздалось два выстрела. Вася подскочил на месте, руки тряслись, дыхание прекратилось, он пытался снова найти мать глазами. Несколько секунд, на которые он потерял её из виду, показались вечностью. Наконец он увидел подол её синего платья. Она была жива. Солдаты толкали женщин в грузовики, а тех, кто пытался убежать, расстреливали. Он увидел, что мать оказалась в грузовике. Она плакала и кричала: «Вася, Васенька! Родной мой, мой хороший! Я люблю тебя, слышишь меня? Я люблю тебя! Вася, мальчик мой...» Человек в форме крикнул что-то – машины уехали. Улица осталась пустой.

Вася сидел в тамбуре и не мог поверить в произошедшее. Он остался совершенно один. В голове звучал надрывный голос матери, а перед глазами мелькало её прекрасное лицо. Он не плакал. Его глаза были широко распахнуты, а пальцы нервно теребили краешек пальто. Медленно встал с пола и вышел на середину улицы. Мальчик подбежал к месту, где стоял тот самый грузовик.

«Мама, мамочка!» – тонкий детский голосок в абсолютной тишине дрогнул. Среди холодных серых стен раздался детский плач. Маленькие пальчики разгребали выжженную землю, стараясь раскопать блестящую вещичку. На ладони мальчишки лежал серебряный медальон, как в том сне, а внутри него – фотография молодой женщины и младенца...

1982 год. Профессор истории Василий Антонович Белкин прибыл в свой родной город по приглашению ректора педагогического института. Он направлялся к учебному заведению на встречу со студентами, вспоминая знакомые улочки и здания. Весеннее солнце уже садилось, оставляя на небе всю палитру розового. В воздухе пахло чем-то сладким и до боли знакомым. Профессор вошёл в аудиторию.

«Добрый вечер, уважаемые коллеги! Сегодня замечательный день, не правда ли? А каким он был сорок лет назад?.. Сорок лет назад в этот день нацисты стёрли с лица земли половину этого города. Старики и дети были расстреляны на этих улицах, а женщины отправлены в концентрационные лагеря. Ко мне в руки попали записки... одной из узниц. Текст мною был полностью восстановлен. Итак, представляю вашему вниманию аушвицкие дневники Галины Белкиной».

Голос профессора дрогнул. По аудитории прошёлся шепот. Василий Антонович сделал глоток воды и глубоко вдохнул...

«Запись четырнадцатого апреля 1942 года.

Два часа двадцать две минуты. Началась бомбёжка. Два часа пятьдесят минут. Обстрел прекратился. Четыре часа. Расстреляли всех стариков и детей, женщин везут в грузовике в сторону Польши. Вася убежал, его не расстреляли.

Запись от первого мая 1942 года.

Нас привезли в Аушвиц. За эти две недели нас покормили лишь два раза. Картофелем. Гнилым. Мы в той одежде, в которой нас увезли. Меня определили в 'цыганский табор'. Нас коротко остригли, отобрали очки и заколки. Я соврала, что по профессии швея. Тех, кто не знал какого-либо ремесла, сразу убивали. Мы работаем с шести утра до позднего вечера. Во время работы нам нельзя выходить из мастерской. Каждые три дня приходят женщина и мужчина, выбирают человек пятнадцать и увозят, говоря, что накормят. Ходят слухи, что везут в крематорий, потому что после никто из заключенных не возвращается. Тут много евреев, есть поляки и русские.

Запись десятого июня 1942 года.

Раз в неделю нас выводят на футбольное поле. Мы бежим по кругу и в конце каждого ударяем ладонью по деревянной планке, прибитой к ограде. Того, кто прибегает последним, сразу расстреливают. Иногда выстраивают в шеренгу, приходит доктор, нас разводят по двум сторонам. В барак возвращается лишь часть... Мне очень страшно за Васю. Я тоскую по нему, по Антону, моему мужу. С нами в лагере не разговаривают, сведений о родных нет. Я так надеюсь, что они живы! Мы обязательно встретимся и будем жить втроём, как раньше. Вася пойдёт в школу, мы с Антоном вернёмся на работу в театр. Всё будет как раньше, всё будет хорошо...

Запись второго июля 1942 года.

Нас стали постоянно обыскивать, запрещают что-либо записывать. Тех, кто приехал со мной, всё меньше и меньше. Привозят новых людей. Много больных,

распространяется туберкулёз. Мечтаю скорее вернуться домой. Мы переедем в новую квартиру, заведем собаку, как Васька хотел. Будем по утрам покупать свежий хлеб, а вечерами гулять по парку. Мы обязательно все встретимся и будем жить как раньше.

Запись двадцать девятого июля 1942 года.

Чаще приходят мужчина и женщина, уводят всё больше людей. Кормят очень редко, мы сильно устаём. Некоторые сходят с ума, кто-то даже просит его расстрелять. Я не верю, что такое может происходить среди людей! Нас содержат, как скот. Издеваются, унижают, убивают. Тощие и слабые заключённые живут среди отходов и паразитов, работая на настоящих чудовищ, не способных к состраданию и потерявших человеческий облик. Я живу лишь мыслями о сыне и муже. Я верю, мы снова встретимся.

Запись первого сентября 1942 года.

Сегодня те двое выбрали меня... Я закопаю эту тетрадь в мешке возле крематория. Антон, родной! Знай, что я любила тебя всё время, что мы знакомы, и я уношу эту любовь с собой на тот свет. Знаешь, это так странно, мне всего двадцать восемь, а я пишу прощальное письмо... Пожалуйста, будь счастлив! Ты сделал счастливой меня, и я хочу, чтобы ты прожил эту жизнь, наслаждаясь каждым мгновением. Война закончится, и ты вернёшься с фронта в город, вы с Васей переедете, привезёте к себе наших с тобой родителей и будете жить счастливо все вместе! Будете ходить по выходным за мороженым, вместе ездить куда-то, купите новые книги и будете читать их вечерами. Я завещаю вам своё фортепиано, научи Васю играть «Лунный свет» Дебюсси! Крепко обнимаю, Галя.

Васенька! Мой мальчик! Ты моё солнышко, человечек, ради которого я живу. Васенька, пообещай мне, что проживёшь долгую и счастливую жизнь. Всё плохое обязательно закончится, а за ним придёт хорошее. Я верю, что у тебя будет получаться то, что ты захочешь. Помни: я всегда буду где-то рядом. Просто будь счастлив и слушай своё сердце. Люблю тебя и нежно целую, мама».

Василий Антонович замолчал. На глазах профессора проступили слезы. «Мы могли бы долго с вами говорить об ужасах, что творились в Аушвице, но давайте поговорим о людях. По скольким судьбам прошла война? Скольких она растоптала? У скольких детей детство было замазано красками пепла и крови, заглушено какофонией выстрелов и плача, изуродовано болью. Те страшные четыре года мы каждый день слышали сводки, в которых говорилось об огромном количестве погибших. И эти все числа... Это ведь не просто цифры – это жизни, это люди. Они ходили по этим дорогам, влюблялись, работали, учились. Они жили. Они были чьими-то отцами, матерями, друзьями, детьми... Каждый, кто погиб, погиб во имя мира. Вот как выходит: они умерли ради жизни.

Выжившие в той войне никогда не забудут всего того, что видели. Как становились сиротами тысячи детей. Как умирали от голода старики. Как работали, не зная сна и отдыха, взрослые. Как погибали товарищи. Как делили один паек на семерых. Как враг разрушал их города и сёла. Они этого забыть не смогут. Это вечный шрам на сердце и след в душе. История сохранит лишь сухие факты. А род человеческий от деда к внуку через время передаст особый ген – ПАМЯТЬ, где сплелись воедино подвиг народа, истории семей, живые чувства, ненависть к войне. Помните всё, что было, чтобы не пережить это снова».

Василий Антонович прошёл к фортепиано... Зазвучал «Лунный свет» Дебюсси...

9-11 классы

Афанасьева Ксения, Пушкинский г.о.

Как червячок стал счастливым

На закате одного весеннего дня в тени куста появился червячок. Был он совсем маленький и почти незаметный. Вдохнув тёплый воздух и оглядевшись по сторонам, он изумился, насколько же мир вокруг него живописен и грандиозен. На фоне зеленеющей и цветущей природы самому себе он показался до безобразия обычным и неприметным. От раздумий его отвлёк шорох наверху. Он повернулся к источнику шума и увидел несколько мохнатых существ, еле заметных на фоне зелёной листвы. Они чем-то были похожи на червячка, только вид имели более важный и решительный. Совладав со страхом и смущением, он решился заговорить первым: «А вы случайно не знаете, кто я?» Оторванные от трапезы насекомые были удивлены глупому, с их точки зрения, вопросу:

– Да откуда нам может быть это известно, если ты сам не знаешь?

– Ну... а вы кто?

Незнакомцы переглянулись и с важным видом ответили, что они почти бабочки, то есть ещё гусеницы, но именно ими им предначертано стать позже. Видя удивление червячка, они пояснили:

– Посмотри вверх. Видишь, там мельтешат яркими крылышками невесомые, лёгкие создания? Так вот, это и есть бабочки. Согласись, они прекрасны!

И в самом деле, было в полёте этих существ что-то завораживающее! Их пёстрые крылья быстро-быстро трепетали, и казалось, будто они сверкают. И тогда в сердце червячка поселилась надежда: он же похож на гусеницу, может, он один из них, а это значит, что ему тоже доведётся стать таким же очаровательно-изящным. Околдованный этой мечтой, червячок стал подниматься вверх по кусту, но ствол оказался слишком крутым, жёсткая шершавая кора царапала его брюшко. Он взбирался – и соскальзывал, снова цеплялся – и опять падал. А гусеницы злорадствовали: «Ну, давай! Переступи через себя! Выйди из зоны комфорта – и ствол тебе покорится!». Но как бы червячок ни старался, ничего у него не выходило, а чем сильнее он выматывался, тем мрачнее становились его мысли: «Почему у меня не выходит? Что со мной не так? Неужели я не один из них и никогда мне не стать бабочкой?».

– Эй, чего сидим без дела?! Работа не ждёт! – послышался голос откуда-то сзади.

– Кто это говорит? – удивился маленький червячок.

– Такой же червяк, как и ты. Пойдём быстрее, товарищам нужна помощь. Наша работа не из лёгких, но я тебя уверяю, результат того стоит.

Проводив взглядом порхающих бабочек, червячок пополз грызть и рыхлить землю. Труд этот, действительно, оказался тяжёлым. Но когда пошёл дождь и земля размокла, вся братия выползла наверх, чтобы спастись от обвалов потяжелевшей почвы. Червячок вновь увидел роскошный сад. Капли дождя весело стучали по знакомому кусту, но выглядел он не совсем так, как раньше. Среди зелёных листьев распустились и заблагоухали фиолетовые грозди сирени. Их душистый аромат смешался со свежим запахом озона, звёздочками поблёскивали влажные лепесточки.

– Папа, смотри, как чудесно распустилась сирень! – послышался звонкий детский голосок.

– А ты знаешь, что в этом заслуга червячков? Они грунт рыхлят и улучшают.

Маленькому червячку было очень приятно, он понял, что именно благодаря ему и его товарищам сад так преобразился. Оказывается, даже будучи внешне непривлекательным можно дарить красоту и радость окружающим. В небе всё так же летали прекрасные бабочки, но зависти они больше не вызывали: червячок стал счастливым, отыскав своё место в жизни.

Кашина Алёна, Одинцовский г.о.

О чём молчат камни

...Влюбленные на мгновение замерли, а потом он склонился над ней, трепетно взяв маленькую руку, будто боялся, что она рассыплется. Нетерпеливое ожидание, ожидание их первого поцелуя, читалось в его напряженном теле. Она тоже ждала, изогнувшись в его руках. Неожиданный порыв ветра перебрал струны её волос, нарушив их идеальный строй. Всё её существо дышало этим свежим, вольным ветром, дышало прелестной юностью. Нежность и робость взгляда, лёгкий румянец – всё притягивало его. Он хотел спрятать её в своих объятиях от враждебного мира, укрыть собой. Ещё миг – и с губ сорвется заветное имя... Ещё секунда – и в темноте ночи уже нельзя будет разобрать, где она, а где он...

... Конь взвился на дыбы, разбивая передними копытами ночь. Страшное ржание растворилось в тишине. Конь тяжело раздувает ноздри, отводит взгляд и словно обжигается о холодную непримиримость человека, своего извечного противника. Тот пришёл укротить зверя, подчинить своей воле. Такой же сильный, он не готов уступить и сдаться. Грудь тяжело вздымается, а глаза горят азартом и желанием победить, обуздать этого дикого скакуна. Мускулы вздуваются от напряжения, руки вскинуты, словно пытаются схватить коня за сильную шею. Даже воздух вокруг сгустился, стал осязаем, будто препятствуя этому страшному, дикому танцу. Стоит закрыть глаза, отвлечься, как – раз! – человек бросится на коня, – два! – чёрный скакун скроется во мраке ночи и – три! – вдруг вынырнет с другой стороны с диким ржанием...

...Мать с нежностью смотрит на младенца, зажавшего кулачком смятую простынку. Он готов вот-вот заплакать, и кривая улыбка замерла капризной линией на лице, заточенная между ямочками круглых щёк. Женщина, чуть наклонившись над колыбелью, тянется к сползающему одеялу, готовая в любой момент подхватить его и укрыть своё чадо. Рассеянным доверчивым взглядом ребёнок сонно ощупывает окружающие предметы. Но веки уже прикрыты, пухлая ручка подпирает тяжелую голову – малыш вот-вот заснёт, спрятавшись в складках ситцевого пьедестала...

Внезапно тишину нарушило тяжёлое шарканье. Это сторож наконец добрёл до своей затхлой комнатухи, выключил фонарик и грузно растёкся в кресле. Все статуи на месте. Порядок... На равнодушных чёрно-белых экранах залы с экспонатами: возле окна – вечные влюблённые, в глубине – укрощение дикого скакуна, в самом углу – сонный карапуз с мамой. Но всё это интересует уставшего старика гораздо меньше, чем заслуженный трудяга-стул в углу каморки. Нацепив на нос очки, сторож принялся за важное дело – кроссворд! Милые клеточки целый день так верно и трепетно ждали, чтобы он пришёл и исчеркал их своим размашистым почерком.

Душно... Открыть дверь, что ли. Сторож пытается выбраться из кресла, но оно будто вцепилось в него и не хочет отпускать свою «добычу». С невероятным усилием, весь вспотев, он всё-таки победил коварное кресло, открыл дверь и со сладостным стоном вновь повалился на свой «трон»... Ах, хорошо... Взял ручку и, прежде чем прочитал первое задание, сладко зевнул и заснул. На одну неподвижную фигуру в музее стало больше до тех пор, пока первые лучи солнца не прогонят ночь.

... Если бы статуи могли говорить, то обязательно спросили бы: почему человек с таким удовольствием тратит жизнь на ежедневный бессмысленный ритуал: кроссворд, бой с креслом, сон, кроссворд, бой и снова сон? Неподвижные, немые, они обречены на то, чтобы каждую секунду вечности переживать одно мгновение, стремясь вырваться из него, преодолеть заклятье, наложенное на них творцом. А люди способны изменить мир, но вместо этого они прячутся в пыльных каморках, дышат затхлым воздухом, цепляются за удобные кресла...

«Удивительно», – сказали бы статуи. Но они молчат...

Кондратьева Лилия, г.о. Истра

У Стены Плача

21 декабря. Холодное утро подходящего к концу года. Для нескольких миллионов людей – это обычное зимнее утро, ничем не отличающееся от предыдущего. Кто-то привычно встречает новый день в одиночестве, кого-то будят близкие люди. Я же радостно обнимаю спящее декабрьское солнце. Можете не верить, но 21-ое число каждого месяца в моей жизни счастливое! Вот и сегодня исполняется ещё одна моя заветная мечта – я лечу в Израиль первым рейсом. Меня ждёт незабываемая встреча с древним и величественным Иерусалимом.

...Самолёт приземлился. Перевожу дух и, как в замедленной съёмке, спускаюсь по трапу. Я трепетно наступаю на землю, по которой ходил Учитель и пророки. Даже боязно! Здесь, на этой земле, невозможно соврать самому главному человеку в жизни – себе. Я в Иерусалиме! И я не паломница, не странница, не турист. Почему сюда привела меня мечта? Кто я здесь? Сердце трепетало от волнения, колени дрожали, а ноги сами несли к Стене Плача. Другое её название – Западная стена. И это всё, что осталось от древнего иерусалимского храма. Величественный вид поразил меня, а пышно цветущие в руинах разные экзотические растения радовали глаз свежей зеленью листвы. Пришли вдруг на память слова Сатина: «Человек – это звучит гордо!» – и как-то обмелели. Не гордо, а смиренно должен звучать человек. И тогда он сможет почувствовать тепло и свет, исходящие от этого места, и ощутить божественную силу.

Главная иудейская святыня окутана множеством тайн. Чего только стоят одни легенды о сокровищах царя Соломона, якобы скрытых в подземелье! Эта стена, спасительная для еврейского народа, стала духовным мостом, который перекинут с 37 года до нашей эры в сегодняшний день. Она объединяет целые народы, каждому приходящему дарует надежду на то, что однажды все беды и тяготы жизни кончатся. Молитва звучит здесь всегда. Слезная, скорбная, настоящая. Люди, припадающие к святыне, как младенцы к матери, лечат свои душевные раны и просят милости и заступничества для себя и своей семьи. Палящее солнце моментально высушивает слезы на покрасневших щеках, а лица преображаются: какой-то неведомый мне свет появляется в глазах богомольцев.

Меня к Стене привела мечта. А может, это провидение? Не знаю. Думалось вот о чём: простое существование губительно, человеческие сердца отягощены фальшивыми чувствами, а разум затуманен пустыми разговорами и суетными делами. Мы стремимся жить вечно и в погоне за вечностью теряем себя. Ищем лекарства от болезней и жаждем бессмертия – а веры не имеем. А ведь только вера спасёт мир. Может, потому и светлеют лица окружающих, что они поняли эту простую истину?

Я стояла, прислонив ладони к стене, а взор сам устремился в небо, сквозь облака, далеко вверх. Солнце стало ближе и больше не поднималось, будто сбегая от мира, оставленного на сохранение.

Я знаю теперь, кто я. «Я часть той силы...» – вспомнилось опять, и я улыбнулась. Я – венец творения, но часть божественного замысла. Если я хочу жить, и жить под мирным небом, мой долг как человека – сохранить память и не утратить веру. Чем больше таких людей, тем больше шанс на спасение всего человечества.

Леонтьева Анна, г.о. Щёлково

У каждого свой путь

Иногда мне казалось, я давно потерялся в жизни. Профессия, выбранная с самого детства, перестала приносить удовольствие, всё чаще меня посещала мысль, что её вовсе выбрал не я. Спасал сам факт того, что мои коллеги и я делаем доброе дело, но с годами это ценили всё меньше. Романтику сменила обыденность, здоровый сон уступил место ночным дежурствам. Я, как и раньше, находил в лицах пациентов искреннюю благодарность, видел особый смысл в своей работе. С особой завистью я смотрел на «рядовых» врачей (педиатра, который лечит простудившихся детей; стоматолога, созерцающего улыбки) и понимал, что с возрастом тяжелее сообщать неутешительные вести. Однажды мне довелось проходить практику в местной больнице. На этаже с неизлечимыми больными, как мне сказали, «доживавшими свой век», мне и выпал случай поработать. Тогда я ещё молодой специалист с обширным багажом знаний, но без богатого жизненного опыта ещё ничего не видел... Старичок из второй палаты почему-то сразу показался мне знакомым, черты его лица были будто родными, тембр его бархатного голоса напоминал о сказках, что эхом отзывались из детства. Он с первых минут импонировал мне. В одно из дежурств я совершал вечерний обход. Бывает, что врач уже ничего не может сделать, кроме как бросить задумчивый взгляд, измеряя давление, или опустить глаза в пол, потому что даже надежду уже поздно вселять. Врачи, как бы ни старались, не всемогущи, они вовсе не предмет поклонения, не идолы. В действительности – это такая работа спасать, однако люди сами приравнивают исцеление к волшебству. Старичок только и делал, что «вчитывался» в орнамент чисто белой больничной стены. Мы не обмолвились ни единым словом, и вот, когда я собрался было уходить, он окликнул меня: «Вы когда-нибудь задумывались, сколько воспоминаний в Ваших руках?» Я опешил. Вопрос был весьма неожиданный. Я оглядел свои руки (никогда не делал этого прежде): обычные, ничего особенного. «Да-да, именно в руках, – продолжал он. – Ваши руки помнят прикосновения людей, которых уже, возможно, нет в живых, помнят, кого Вы так сильно держали и не хотели отпускать». Повисла глубокая тишина. Я жестом обратился к нему с просьбой присесть, прекрасно понимая, что может скрывать доброта бездонного по-стариковски наивного взгляда, и, будучи не самым хорошим слушателем, остался, чтобы впитывать мудрость, до которой мне было так далеко. «Вы знаете, я ведь всегда мечтал быть пианистом. Но мне говорили, что пальцы слишком короткие! Абсурдно, не правда ли? Сейчас уж, конечно, ясно, что короткими были не пальцы вовсе, а сила духа, которой мне не хватило в этой борьбе за мечту». Внезапно с грохотом в закрытое окно ударилась птица. «Отличная метафора, – взбодрился рассказчик, сменив слабый голос на чуть более радостный. – И я был такой, как эта раненая особа, будто ищущая препятствия!» Долго-долго старичок, словно мой давний приятель, вёл рассказ обо всей пережитой годами радости и омрачившем временами горе. С какой любовью он описывал свою супругу, чтобы образ её предстал передо мной! Вспоминал детей, близких, коллег – всех, к кому лежала его необъятная душа. Послышался тяжёлый вздох, нарушивший мёртвую тишину: «Я ведь давным-давно всех потерял». Глаза его налились слезами. «Время от времени хочу позвонить на небеса, но не могу сказать конкретно, кого позвать к трубочке. Хотя бы голос услышать: пение матери, смех дочери... Но там, наверное, автоответчик, до той поры, пока не встретишься с ними лично...».

В палату постучали. Молодая медсестра суетливо интересовалась самочувствием больного, а теперь и вовсе умирающего. Он брякнул, что всё с ним в порядке и спешно продолжил, дождавшись лишь, когда хлопнет дверь: «Я ведь и представить не могу, кем бы я был, если бы не они, хорошие люди?! Я бы другую жизнь прожил...» Он закашлялся, но всё же обратился ко мне: «Я хотел было попросить увезти меня отсюда домой... Пожалуйста... Хотя вспомнил, что дом мой там, где вся родня не первый год меня дожидается. Дом мой уже не в этом мире, друг, не на этой гостеприимной земле». Его улыбка – последняя деталь, что врезалась в мою память; осели, словно фундамент, его пламенные речи; сердцебиение последних мгновений жизни резало слух. Я молчал с минуту, прокручивая в голове его слова, дословно воспроизводил каждую фразу нашего разговора, а скорее монолога, оставившего след. Никогда не думайте, что Вы ни на что не влияете. Вы думаете, что Вы совсем не важны в этом мире, но кто-то сегодня любит себя немногим больше, благодаря сказанному Вами комплименту в его адрес; кто-то увидел прямо сейчас сияющую улыбку на Вашем лице и, возможно, нашёл тысячи причин, чтобы любить и жить! Вы каждый день оставляете след крошечным, как вам кажется, поступком доброты, который завтра обязательно вернётся к отправителю и сделает мир чуточку добрее...

Лобачёв Егор, Лосино-Петровский г.о.

Смысл жизни

Вот уже целых пять минут мы молча шли по привычному, давно изученному маршруту. Наконец-то я решил нарушить тишину.

– Задумывался ли ты о смысле жизни? О ничтожности людей на фоне огромной Вселенной? – спросил я.

– Что за пессимистичные вопросы?

– Пессимистичные?

– Да.

– Почему же?

– Люди не ничтожны. У каждого есть потребность в самореализации. Вот тебе и смысл.

– Нет, ты не понял. Выйди за рамки этой... «игры».

– Какая ещё игра?

– Я условно. Так легче понять. Мы, люди, играем в жизнь, в общество. Жизнь в целом бессмысленна, и чтобы не думать об этом, люди придумали законы, правила... Решают какие-то бытовые проблемы, волнуются о чём-то, бегают, суетятся, думают, что от них что-то зависит. Но ведь по сути, любые их действия в конечном итоге совершенно ни к чему не приведут. Опять же, повторяюсь, на фоне огромного масштаба Вселенной. Мы кто? Пылинки. Пылинки, исследующие собственную комнату, в которой находятся.

– Я примерно понял, что ты имеешь в виду. – Собеседник задумался. – Хорошо. С этим я соглашусь: в масштабе Вселенной наши действия, ну, скажем там, малозаметны.

– Не малозаметны, а совсем не заметны.

– Хорошо, не заметны. Дальше что? Смысл твоих рассуждений в чём? Ты же понимаешь, что человеку нужен этот самый Смысл. А самореализация это и есть смысл жизни каждого. Ну, или почти каждого.

– Так... Самореализовался. Дальше что?

– Ты меня спрашиваешь? Не разглагольствовать о бессмысленности жизни и хотя бы чем-то заниматься. Главное – не сидеть на месте.

– И так постепенно вжиться в игру, сфокусироваться на житейских проблемах. Чтобы скучно не было. Мы как пчёлы, для которых мира за пределами улья не существует. Это выходит за границы их понимания. И ты осознанно выбираешь быть этой пчелой?

– Нет. – Мой оппонент хмыкнул. – Конечно же, лучше всю жизнь просидеть на одном месте и думать о том, какая же она, эта жизнь, бессмысленная. И? Что потом? Сожаления о прожитой жизни? Как раз ты и будешь жалеть о том, что не играл в эту «игру». Извини, конечно, но я выбираю жить, а не существовать.

– Так как раз ты и существуешь внутри этого процесса на маленькой планетке. Ходишь на работу, потому что люди так придумали, чтобы такой пчёлке, как ты, было чем заняться. Ищешь себе жену вот уже пять лет, потому что быть холостяком в таком возрасте как-то не очень престижно. Зарабатываешь себе на машину, ведь на общественном транспорте уже «не комильфо» добираться на твою очень нужную работу. Хочется подняться на новый уровень комфорта. Заметь, комфорта, но никак не жизни. Ибо это всё люди придумали для своего же комфортного существования. Не более. Это все искусственно-наполненная смыслом жизнь. Не более.

– Пришли.

Мы остановились на нашем перекрёстке, где всегда расходимся.

– До завтра.

– До завтра.

Крепкое рукопожатие, сменяющимся звуком удаляющихся друг от друга шагов.

Отворив дверь в квартиру и переступив порог, я внезапно вспомнил, что завтра начальник потребует от меня отчёт о продажах, который ещё даже не начинал делаться. А ещё молоко прокисло. Через минуту я сел и заплакал. Сильно заплакал.

Сафонова Мария, г.о. Дубна

Песнь для Скальда

Среди зелёных лесов, что сладко пахли хвоей, по тропинкам, на которых не бывали животные, кроме диких заблудших волков, там, в чащобах, брёл усталый Скальд, волоча за собой свой доблестный клинок, призванный служить Одину.

Тяжёлой рукой своей Скальд поправлял ремень тальхарпы³, что так сильно натирала его плечо.

Скальд шёл сквозь леса уже не первый день. Он возвращался с великого сражения, равных которому нет и никогда не будет. О как же хотелось Скальду сложить о нём песнь и спеть её на пиру вместе с другими скальдами. Скальд и не помнил уже, сколько он не был дома и сколько не слушал песен, что поют прекрасные девы на пирах.

Скальд остановился у одного из камней, тяжело вздыхая. Он уже и не помнил, каково это – слушать песни прекрасных дев, не помнил, каково это – петь самому. Слишком долго он пробыл в сражениях, слишком долго он воевал.

Облокотившись на холодный камень, Скальд прикрыл глаза и попытался вспомнить хоть одну из песен, что он так старательно складывал, подбирая каждую строчку и каждое слово. Но вот проклятие! В ушах стоял лишь мерзкий скрежет железа, какой бывает, когда скрециваются два меча, а перед глазами плыли реки крови, нависало тяжелое от дождя небо и слышались стоны несчастных воителей.

«Я напишу песнь об этом сражении! – решил Скальд. – Я прослаблю в ней великого конунга, что вёл нас в бой! Я расскажу, как было повержено войско противника!»

Но, достав из походной сумы дощечку, Скальд обмер. Перед его глазами, будто на крыльях ворона, пронеслись воспоминания о том сражении. Он видел тех жён, что плакали над убитыми мужами, тех детей, что смотрели из-подо лба, боязливо съёжившись на ветру и теребя в руках связанную куклу.

И рука воителя дрогнула над дощечкой. И скупая слеза покатилась по его щеке.

– Да разве достойно это песен?! – воскликнул он в темноту леса. – О, всемогущий Один, скажи, достойны ль боль, война и убийства тех красивых слов, какими мы их награждаем?!

И в сердцах откинул от себя дощечку Скальд. И из глаз его потекли крупные слёзы. Ещё никогда ему не приходилось так плакать, как плакал он сейчас у холодного камня, вспоминая великое сражение, равных которому нет и никогда не будет.

Долго плакал Скальд. Луна уже поднялась над лесом, а он всё сидел и сидел у камня, не желая вставать. «Зачем ты наделил меня Мёдом Стихосложения, о великий бог Браги? Чтобы воспевал я страшное и уродливое, и не прославлял всё прекрасное?!» – думал Скальд. – «И покажи же мне, бог стихосложения, что же в этом мире по-настоящему прекрасно?!»

И в этот же миг на соседней ветке запел соловей. Запел свою песню, звонкую и прекрасную. То пел он тише и нежнее, то громче и смелее. Пел он долго, и сердце Скальда замирало от восторга – такой красивой показалась ему соловьиная песнь. Схватил он свою тальхарпу и сложил тогда свою песнь.

И песнь эта была прекрасна. И песнь эта была о закатах и рассветах, о любви и сострадании, и обо всём том, что так прекрасно и бесценно...

³ струнный смычковый музыкальный инструмент

Студенты бакалавриата и СПО

Гладеева Анна, МГОУ

Метаморфозы звезды с остовом Бога. Выбор души с узором чужеродно-родных граней

“Как сердцу высказать себя?”

Ф.И. Тютчев.

Жила-была девочка. Она боялась быть. Она хотела лишь жить. Полно, красиво и красочно, вкушая каждое мгновение лишь в золоте. Даже серебро, изгоняющее духов, не могла принять душа. Ей нравились тени на стенах, вой оборотня на луну. Она иногда выходила во двор и начинала кричать вместе с ними: со всеми одинокими, тоскливыми воплями и потоками слёз. Сердце гналось за бледным зрачком косящего на что-то месяца, чувствуя родство. Девочка даже не знала, кто она. А если не знать, кто ты, то знать, как жить, решительно невозможно. Разводы чернил и фонари были ей вечерней шалью, укутавшись в которую ощущаешь единение и покой. До того, как она осознала, что жаждет схватить, выдрать кишки у жизни и выжрать, девочка была девочкой, но когда поняла, что шали из сна, чтобы скрыть боль, недостаточно, она стала чем-то большим.

Убеждения в её низкой самооценке имели почву, но на деле это было что-то другое. Она знала, что может лучше: быть как звезда среди тусклых огней свечек. Но вдруг это иллюзия? Самомнение никому не приносило счастье. Но в нём, бывшей девочке, горели слишком ярко эта самая гордость и сознание незавершённости. Конечно, он и не думал о прошедшей оболочке. Это не имело значения. Тело изменчиво, но внутри...

Вселенная в сердце шла вразрез со скудным умом. Чего-то он не знал, не осознавал. А как писать сердцем? Как выблёвывать всю черноту души или украшать белое нежным лепестком светлой розы? Писать по чёрному углём... Мальчик знал, что погубит его незавершённость, неоцененность. Цены не было потому что он был бездарен. Сердце его горело ярче самых сильных огней, выжирало путь, как он хотел вырывать жизнь, её самую смелую суть – в этом с прошлой оболочкой им было по пути. Он не мог, как и она – ещё более слабая, выразить то, что горело и было естественно, как лава в вулкане. Агония заставляла душу мчаться дальше к пустоте. Как найти призвание? Как выразить звезду, неисчислимую ни одной буквой, ни одной формулой, даже ни одной душой. В нём будто было больше, чем одно. Или это одно так многогранно, что, обращая взгляд внутрь, он надеялся каждый раз не ослепнуть от отражений в смертоносных, подчас, рёбрах. Это был костяк Бога в его разуме? Недосказанность губит. Груз в сердце мальчика вновь возопил и всполохами граней лизнул утробу. Может, если вновь переступить лужицу собственной крови, тогда он сможет выразить? Или он должен найти свое прошлое воплощение – встретить второго себя, чтобы тот нашёл ключ, серебряный ключ, изгоняющий Богов? Тогда остов давно сгнувшегося исполина исчезнет. Петля. Побег.

Мальчик никогда не захотел бы стать кем-то, без тяжести в сундучке, гоняющем кровь, без страдания, без муки пламенеющего скелета. Кишки сжимаются – стоит подумать о прерванной кашеце мыслей. Нельзя встретить себя, нельзя открыть счастье, но нельзя и уснуть от горя, гулять часто в шали из фонарей с закрытыми глазами. В одной из Вселенных он или выразит, дойдёт до той степени развития, или обретёт близнеца и будет съеден в утробе беспощадно, тупо. Мальчик родился бы обычным, лишь с привкусом кости во рту.

В одной из Вселенных он “вышел неспособным даже к жизни”⁴.

Коршун низверг свои крылья, и перья процарапали дорожки на песке, глубокие шрамы, смытые первым приливом. Утопленник, ненавидящий живого незнакомца, лишь за то, что тот был достойнее и лучше, удобнее для Жизни, глотнул пресной воды и плавно сполз куда-то во чрево водорослей вновь. Вытекшие глаза чернели двумя усталыми впадинами, где копошились кувшинки и слизь мыслей, выплескивающих свою желчь сквозь раскрытый череп, покрытый узорчатыми глупостями и пустыми словами. Радужку, зрачок, заменила отстранённость и нежная, взбухшая кожа. Скелет погряз в плоти, несмываемой, злобной и капризной. То ли не доставало души, то ли правдивости, но мертвец не рисковал драться за Жизнь. Конечно, пару раз, вглядываясь ногтем в живого, он хватал водоросли и тянул за собой, разрывая и мутя воду, низвергая ту самую желчь, проникнутую страхом и горделивой ненавистью. Упокоенное сердце мерно начало уносить ко дну. Стук. Стук. Стук. Ниже. Ниже. Подлее. Глупее. Вода, заполнившая вместо крови сосуды, вскипела и как-то ожила. Не веря живой жидкости, мертвец дёрнул последнюю кувшинку из глаз, отчаявшись в поисках неба в воде. Когда он был ребёнок, не сомневался он в отражении, не сомневался в Ней. Жизнь лежала рядом с ним, порхала и мягко держала за руку, гладила и чесала спинку, но теперь она даже увидеть не может, насколько её питомец обременяет этот мир. И вдруг рот открылся: «Я всегда был обузой для неё!». Жизнь, шедшая под ручку со златокудрым пуделем, испуганно оглянулась, ничего не увидела и, проронив слезу, ушла вглубь молочно-лимонного пляжа.

⁴ “Дневник лишнего человека”, И.С.Тургенев

Рыжаченков Иван, МГОУ

Удав!

«Дело дрянь», – подумал я, когда случайно встретив бывшую одноклассницу в местной библиотеке, невольно узнал об одной неприятной истории. Бедняга затравленный учитель уволился прошлой весной, и вот уже три недели с начала нового года в моей старой школе дети оставались без физики. Я сразу его вспомнил: длинный и худой, с безмолвным вытянутым лицом и кучерявой пастушьей бородкой, несмотря на свои без малого тридцать, он походил на какой-то залежавшийся «экспонат», который только что вынули из пыльного шкафчика лаборантской. Между собой мы прозвали его Удав. Казалось, что Удав всем сердцем ненавидел свои уроки: страшно картавя и проглатывая слова, он постоянно натыкался в своей речи на несчастный «амперметр» и из-за этого всё время не находил себе места, нервно переползая от одной стенки к другой. Впрочем, надолго его не хватало, и он снова садился, с виноватой миной и чувством выполненного долга, как хорошо выдрессированный мальчишка, пыхтя рассказавший на ёлке свой стишок. Волею судьбы, единственное, что я хорошо помню из школьных уроков физики – это грустные глаза Удава и пару круглых закорючек, остававшихся на доске, которые с лёгкой руки наших умельцев запросто превращались в излюбленный символ всех школьных задир.

Чёрт, если бы мне сказали, что через каких-то пять с небольшим лет я сам стану учителем – я бы так и рухнул со стула. Но теперь уже поздно рыпаться. И хоть на лице моём всё та же непринуждённая улыбка, а в голове наивное желание покорить мир, в руке я держу кожаный портфельчик, откуда на меня ехидно поглядывает недоделанный методический конспект, который сегодня нужно сдать. И правда, дело дрянь и отступить уже некуда, как сказала бы моя бабушка.

Кстати, именно она в детстве и сделала из меня человека, если так можно выразиться, каждый день напоминая о «том месте», в котором я скоро окажусь, если не «возьмусь за ум». С того момента прошло уже почти пять лет и «то самое место» вновь отчётливо стоит передо мной на горизонте, но уже не вызывая былого замешательства и ребяческого малодушия. Конечно, я бы мог посетовать на свой неправильно сросшийся сустав на большом пальце, который доставляет немало хлопот и хронический колит. Можно было бы даже попытаться изобразить внезапно накрывший меня приступ астмы, вспомнив о своём театральном прошлом. Да что там прошлым, единственной в моей жизни сценке, где нам с другом зачем-то нужно было разыграть на двоих «лодку на волнах». Но я решил, что не стоит так низко опускаться из-за такой мелочи, и, если надо – послужу.

Хорошо помню свои школьные годы, тогда я был отменным лоботрясом. В то время как мои товарищи усиленно штудировали задачник, а потом шли к репетитору, я с трудом просовывал голову через узкое колючее горло ненавистного свитера и шёл в местный супермаркет за булкой и молоком, а после ещё долго-долго гулял, мечтательно глядя куда-то вдаль сквозь запотевшее стекло своих очков. Тем не менее, когда пришла пора выпускных экзаменов, я и сам засел за учебники. Окончив свои занятия, которые обычно длились до поздней ночи, я залезал на кровать, и юркнув под тяжёлое пуховое одеяло, воображал себя то отважным лётчиком, то известным писателем, то великим артистом. Но жёлтые, красные и чёрные загогулины на старом ковре, составлявшие какой-то причудливый узор, быстро перемещали меня в царство крылатого Морфея. В голове проносилось множество картинок... И вот уже шёлковая бахрома с кисточками цвета охры, небрежно висевшая по периметру ковра, превращалась в юбку прекрасной царицы Ночи, которая минуя внезапные вспышки

самых смелых фантазий, уносила меня к новому дню. Несмотря на свою детскую мечтательность и юношеский максимализм, тогда я ещё не совсем понимал, чего хочу от этой жизни и с опаской заглядывал в будущее, не имея за душой ничего, кроме сдобной булки и бабушкиного нагоняя. Но одно я знал твёрдо: я не могу обмануть ожиданий этой некогда властной, но уже состарившейся женщины, честно проработавшей сорок лет в должности «не ниже главного бухгалтера» и посвятившей свою старость воспитанию любимого внука. И надеюсь, что не обманул.

Итак, мне двадцать два, я выпускник пятого курса «филфака», я по-прежнему ненавижу свитер с высоким горлом и в глубине души ещё мечтаю стать рок-звездой. Совсем недавно я получал повышенную стипендию, что давало мне право два раза в неделю от души наедаться всякой гадости в ближайшей забегаловке, пардон, «ресторане быстрого питания». Было время, когда меня и вовсе находили перспективным малым для участия в научной жизни и несколько раз я даже брал призовые места на студенческих конференциях. Не скрою, в институте мне и правда нравилось, ведь именно благодаря нему я осознал, что можно одновременно бывать в разных частях света, не покидая тесных стен невысокого ветхого здания. С упоением поглощая страницу за страницей, я скитался вместе с самим Одиссеем по буйным водам Средиземноморья; сотрясал звоном тяжёлых доспехов бургундскую землю, путешествуя с могучим Зигфридом; распутывал клубок причудливо сплетённых улочек Парижа в поисках прекрасной Эсмеральды... Пожалуй, сразу и не перечесать, сколько потаённых мест и диковинных стран я тогда смог посетить.

Но всё это уже в прошлом, ведь сегодня я иду по школьному коридору с высоким сводчатым потолком и грязно-жёлтыми стенами, щедро выкрашенными дешёвой масляной краской, иду на свой первый урок. А ведь когда-то в этом самом коридоре проходило моё беззаботное детство! Нет, ничего тут с тех пор не поменялось, всё те же старые железные лампы, бросающие в глаза свой холодный свет, всё те же заваливающиеся цветы в горшках. Перед тем как войти в класс я решил остановиться перед дверью, чтобы удостовериться, что готов. Поправив галстук, я скорчил уверенную гримасу и поспешил скорей зайти. Признаю, я немного опоздал – а ещё говорят, что звонок для учителя!

Однако, переступив порог, я сразу понял, что моя уверенность пропала раньше, чем я раскрыл рот. Я буквально проглотил свой язык и впал в какое-то странное оцепенение. Изо всех сил пытаюсь выдавить из себя хотя бы слово, я не мог ничего сказать! И всё-таки, собравшись с силами, я начал: «З...з...з...». Много бы я отдал тогда, чтобы только произнести это чёртово «здравствуйте». В голове сумбурно носились мысли: «первое впечатление», «золотое правило дидактики», «соберись тряпка!» Я понимал, что происходит что-то неладное. На мгновение мне даже показалось, что земля разверзлась, и я медленно, но верно качусь вниз по бесконечным лестничным пролётам ободранных перил. Интересно, сколько мне ещё нужно чтоб достичь дна? Чей-то картавый голос ответил: «Ты уже там! Но если бы ты был внимательнее на уроках физики, то знал бы наверняка: его предел равняется примерно десяти тысячам метров. Впрочем, дно не настолько изучено, и можно всю жизнь устанавливать всё новые и новые рекорды погружения». Душа моя ушла в пятки, не желая больше сносить такого позора, а лицо налилось кровью, и я хорошо почувствовал, как стучит в висках. С мольбой подняв глаза, я взглянул на кусочек чистой лазури в широком створчатом окне, но провидению было всё равно. Вновь посмотрев перед собой, я заметил лишь ехидно улыбающегося мальчугана, который степенно прожигал меня своим въедливым взглядом из-под съехавших на нос очков. «Удав!», – эхом пронёсся по кабинету недоверчивый шёпот с задних парт! «Удав!», – покачав головой, злобно прошипела полная девочка. «Ребята, удав вернулся!», –

радостно завопил весь класс! К счастью, мне наконец удалось разжать свои, словно сдавленные тисками губы, и я закричал, закричал так, что уже через несколько секунд в классе было пусто.

Подняв голову и раскрыв глаза, я вдруг обнаружил, что сам сижу за партой в читальном зале нашей библиотеки, вероятно, я уснул тут, готовясь к очередному семинару. Мне стало жутко стыдно за эту сцену – кричал-то я по-настоящему, однако было уже поздно. Стоявший у двери седой охранник странно покосился на меня, а пышная дама напротив так и подпрыгнула на стуле, поспешно захлопнув «Антологию экзорцизма». Я улыбнулся им, взял со стола своего Голдинга и пулей выскочил из зала. Приснится же такое!

Сборник произведений
победителей и призёров
Регионального писательского конкурса
(г. Москва 28 ноября 2020 г.)

*Электронное издание Ресурсного центра русского языка
Московского государственного областного университета*

МГОУ

Ресурсный центр
русского языка